

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

Россия-Турция

Поэт, эссеист, переводчик. Окончила Казанский медицинский институт и Московский литературный институт имени А. М. Горького (1996). Шесть лет проработала детским врачом. Училась в аспирантурах по русской литературе и философии. В настоящее время преподаёт русскую литературу в университете Эрджиез (Кайсери, Турция). Ответственный секретарь международного журнала «Интерпоэзия» (Нью-Йорк). Автор пятнадцати поэтических сборников, изданных в России, Европе и Америке. Предисловие к первой книге написала Анастасия Цветаева. Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Новый журнал», «Арион», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Новая юность» и др. Стихи переведены на двенадцать европейских языков, опубликованы в международных антологиях и сборниках. Переводит тюркскую поэзию на русский язык. Лауреат международных и российских премий имени Гавриила Державина, Анны Ахматовой (журнала «Юность»), Валентина Берестова, Артёма Боровика, премий литературных журналов и фестивалей.

«ПЕТРОГРАД ПАСТАНЕСИ», или

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ТУРЕЦКОЙ ЖИЗНИ

Кажется, что русские были в Турции всегда. Настолько тесны сегодня наши связи, настолько много точек соприкосновения, несмотря на разницу культур, конфессий и мировоззрений. Между тем, история наших взаимоотношений начитывает немногим более десяти веков. Первыми сюда прибыли русские дипломаты; некоторые из них так и остались здесь, очарованные местной экзотикой. В турецких тюрьмах томились русские военнопленные, участники нескольких русско-турецких войн. Купцы и моряки, артисты, военные, художники, священнослужители – словом, много всякого русского люда побывало здесь, расселившись на долгое время в турецких пределах.

В конце девятнадцатого века в стране появились и татары, когда российский император Александр III начал открыто притеснять мусульман и возобновил политику христианизации. Последующие волны татарской эмиграции были вызваны столыпинскими реформами, Первой мировой войной, репрессиями большевистского режима, невозможностью получить в советское время духовное образование и открыто следовать религиозным традициям.

В истории российской эмиграции начала XX века Стамбул всегда будет занимать особое место. В 1917 году он встретил первых русских эмигрантов, вынужденных покинуть родину. Не принявшие октябрьскую революцию российские дворяне, офицеры, студенты предпочли изгнание существованию в социалистическом «раю». Основным контингентом беженцев были «белые» русские, которых называли так за поддержку царистской «белой гвардии». Массовый «исход» в Турцию начался в 20-х годах, когда группы людей сели на пароходы и военные корабли и по Чёрному морю перебрались в оккупированный союзниками Стамбул. Вспоминает турецкий ученый

Тюлай Алим Баран: «Крейсер «Генерал Корнилов», на борту которого находились уцелевшие офицеры Генерального штаба Белой армии и генерал барон Врангель, а также корабли средиземноморской эскадры адмирала Дюмениля во главе с «Валдек-Руссо», ходившие под флагом французского военно-морского флота, которые также транспортировали беженцев, часть пассажиров высадили в Турции. Их было так много, что сосчитать не представлялось возможным». Есть только приблизительные данные о числе беженцев. Согласно им, в Стамбул прибыло 150-200 тысяч человек.

Эмигранты увеличили миллионное население города примерно на одну пятую часть, присоединившись к тысячам христиан и мусульман, которые так же бежали, спасаясь от войны в распадающейся Османской империи. Среди беженцев был будущий писатель Владимир Набоков, который ненадолго остановился в Стамбуле со своей семьёй. Русские аристократы открыли первые совместные (для мужчин и женщин) пляжи в городе, детективные агентства, студии фотографии и живописи. Однако большая часть прибывших русских лишилась своего имущества в ходе гражданской войны в России. Многие были вынуждены продавать уцелевшие драгоценности и картины на улицах Стамбула. Они кормились подавниями от солдат оккупационных сил и жили в лагерях, развёрнутых в различных районах города. Стамбул приютил и Льва Троцкого, проигравшего Иосифу Сталину в борьбе за власть. Троцкий нашёл убежище на одном из островов Стамбула в 1929 году и провёл там четыре года, прежде чем перебрался в Мехико. Дом у моря на Бююкаде, где Троцкий написал «Историю русской революции», существует по сей день.

Беженцы из России, несомненно, повлияли на турецкую жизнь. Популярны в те времена были рестораны русской кухни, которым давали непривычно звучащие для турецкого уха названия: «Максим», «Московит», «Киевский», «Медведь», «Золотой петушок», «Гнездо перелётных птиц», «Русский уголок», «Киевский кружок», «Яр», «Смирновская водка», «Зернистая икра», «Филипповские пирожки». Особенно популярным был «Петроград Пастанеси». Любителей посидеть в этих ресторанах называли по имени проспекта Пера – «перотами», а засидевшихся там мужей турчанки ругали: «Явился среди ночи – тебе тут «Петроград Пастанеси», что ли?» Самые предприимчивые из эмигрантов объединялись и открывали кабаре, ателье, книжные, продовольственные магазины, типографии. Издательство «Русская мысль» выпускало словари, самоучители иностранных языков, издания классиков, детские сказки, газеты и журналы. Появились также лотереи, балы-маскарады, танцы и некоторые другие запрещённые в исламе развлечения и способы заработка. В музее Стамбула хранится письмо жительниц к руководству города. Его подписали несколько тысяч женщин. В этом письме они требовали выселить всех россиян из города, из Турции, потому что, по их мнению, вместе с русскими в городе появились проституция, пьянство, воровство. Но среди следов этих драм по сей день в Стамбуле сохранилась пара элегантных русских ресторанов, где подают борщ и бефстроганов с водкой. Цветочный пассаж, расположенный на Истикляль, главной улице города, назван в честь русских девушек, некогда продававших здесь букеты. Современная стамбульская система микроавтобусов, являющаяся близким родственником системы советских маршруток, была основана водителями бронетанковой бригады Белой армии.

В 2019 году, при поддержке Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, был издан фундаментальный сборник «Русская белая эмиграция в Турции. Век спустя. 1919-2019». Это, безусловно, уникальный труд. В нём приняли участие многие историки и филологи из разных стран, исследователи белой эмиграции и преподаватели турецких вузов. Среди авторов статей этого сборника – заведующая кафедрой русского языка и литературы университета Эрджиэс, где я сейчас преподаю, Сэвинч Учгуль. Составитель этого сборника, профессор Стамбульского университета Тюркан Олджай, кропотливо восстановила 198 фамилий представителей русской творческой интеллигенции, которые осели в Турции в начале XX века.

Среди них были художники, музыканты, артисты оперы и балета... Подсчитаны так же имена писателей: 49 (26 поэтов и 23 прозаика).

Литература всегда поддерживала и давала силы русским эмигрантам. Не случайно то, что почти сразу здесь появились эмигрантские литературные объединения: Цареградский цех поэтов, Союз русских писателей и журналистов, Литературно-художественное общество им. А.П. Чехова. Самым активным и популярным писателем того времени был Аркадий Аверченко. Прибыв в Стамбул в 1920 году, сатирик прожил здесь полтора года. И уже в 1921 году вышли его сборники «Записки простодушного» и «Нечистая сила: Книга новых рассказов», а в 1922 году – «Кипящий котёл» и сборник рассказов «Дети» с приложением «Руководства к рождению детей» (1922). Аверченко также написал множество фельетонов о турецкой жизни русскоязычных эмигрантов, которые пользовались огромной популярностью, позволяя русским взглянуть на себя со стороны.

В 1927 году закончился разрешённый срок пребывания русских эмигрантов в стране. А в 1932 году был принят закон, запрещающий иностранным гражданам работать на территории Турции. В этих условиях даже тем, кого устраивала их новая жизнь, пришлось искать пристанище в других странах.

Русскую эмиграцию в Турции обычно не соотносят с так называемыми волнами, упоминаемыми в связи с массовыми выездами граждан из СССР в страны Европы и Америки. В большинстве случаев люди приезжали сюда для получения духовного образования или чтобы оказаться в среде, где жизнь по исламским канонам носила государственный характер.

В постсоветское время, когда курорты Турции стали популярнее российских здравниц, множество россиянок и жительниц стран СНГ обрели здесь семьи. Об этом столько написано, что сложно добавить что-то новое. Сейчас в Турции живёт и работает немало россиян и граждан из республик СССР. У каждого из них своя история. Большая часть из них – женщины. Девяносто процентов моих знакомых женщин в Кайсери, городе, который стал мне вторым домом, познакомились со своими будущими мужьями в интернете. Половина из них – выходцы из стран СНГ со схожими традициями. Например, из Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана и т.д. Большинство из них не работает, занимается воспитанием детей, потому как найти работу иностранкам, живущим вне столицы, довольно сложно.

Второй год я живу в Кайсери, большом городе Центральной Анатолии. Это высокогорная часть страны, расположенная почти в центре Турции. Городу, сменившему десятки цивилизаций, около трёх тысяч лет. Это видно по древним строениям, памятникам, по которым можно изучать целые эпохи. Здесь есть музей сельджукской цивилизации; частью его архитектурного комплекса является воссозданная древняя лечебница для душевнобольных, где в середине второго тысячелетия нашей эры – впервые в Европе – лечили пациентов музыкой и водой. Помимо прочего, Кайсери славен своими патриархальными традициями. Это не та Турция, которую видят туристы в столице или на курортах. Здесь течёт жизнь, которую вели турки на протяжении многих столетий. Хотя цивилизация, естественно, проникла и сюда. В этих местах соблюдаются строгие мусульманские традиции, что невозможно не учитывать гостям или временным жителям. В турецких университетах работает немало россиян и выходцев из стран бывшего СССР. Но больше всего людей прибыло из Азербайджана. Им легче ассимилироваться в новой культуре, так как из всех тюркских языков именно азербайджанский наиболее близок к турецкому. Более того, в нём сохранились слова из старо-турецкого языка. Поэтому лингвисты и историки турецкого языка часто обращаются к азербайджанскому.

В кавказском университете в Карсе работает татарская поэтесса, кандидат филологических наук, Чулпан З.-Ч. Уже более двадцати лет она живёт в этой стране. Ис-

тория её жизни в чём-то типична, а в чём-то и уникальна. В Турцию её привела любовь – не только к мужчине, но и к стране. Один из её дедов ушёл на фронт с белой армией, и следы его затерялись в Константинополе. О нём в семье вспоминают до сих пор. Однажды она призналась, что мечтой её бабушки было увидеть Стамбул, и добавила, что «мечты, как и болезни, тоже бывают генетическими». В детстве Чулпан перечитала все книги о Турции, какие могла найти. Выучила турецкий язык, совершенно не рассчитывая, что когда-нибудь он станет для неё основным языком общения. А дальше, как в сказке, она познакомилась с будущим мужем, гражданином Турции, бросила работу доцента в Казанском университете и уехала из России. Вышла замуж, родила сына. И ни разу не пожалела о своём решении покинуть родину. Сегодня она успешный учёный, который часто выступает на международных конференциях в качестве эксперта по вопросам тюркологии.

Большую часть жизни я прожила в Казани. Мой папа, татарин, сделал всё, чтобы я знала татарский язык. Выучить его в советской школе было просто невозможно, настолько убогие методики применялись в то время. Как известно, Казань – место пересечения культур, языков, традиций. В городе мирно соседствуют православные и католические храмы, мечети и синагоги, кирхи и дацаны. Я словно получила прививку толерантности ко всему. Моя бабушка по отцу была истовой мусульманкой, выполняла все религиозные обряды, учила меня арабскому языку. Турция меня не удивила и не показалась чужеродной, так как татары и турки относятся к одной этнической группе. Схожие языки (лексика одинакова приблизительно на 40%), традиции, одна религия. Поэтому ассимилироваться татарам в Турции не так сложно. К примеру, актриса Айдан Шенер, исполнительница роли Фериде в лучшей версии сериала «Королек – птичка певчая», снискавшего оглушительный успех в СССР, имеет татарские корни. Её отец происходит из казанских татар, а мать – из крымских.

Меня привела в Турцию не любовь к кому-либо или чему-либо, а обстоятельства. На президентских выборах 2018-го года я устроила, говоря неформальным языком, перформанс на избирательном участке, выразив свой протест против лицемерия выборов президента России, демонстративно порвав свой бюллетень и опустив клочки в урну для голосования. Тогда в моей жизни очень многое изменилось. Меня хотели уволить с работы и исключить из Союза писателей Татарстана. Многие знакомые посчитали своим долгом выразить собственное отношение к моему поступку. Иногда это носило агрессивный и оскорбительный характер. От меня отвернулись те, кого я считала близкими друзьями. Но были люди, которые полностью поддержали меня. Приглашение преподавать русскую литературу в университете Эрджиес в той ситуации оказалось наилучшим выходом. Это не было бегством, поскольку я не планировала менять гражданство, но Турция стала моим новым домом, новым опытом, предоставила мне новые возможности.

Университету Эрджиес, чьё название происходит от имени вулкана, у подножия которого расположен город Кайсери, всего тридцать пять лет. На литературном факультете есть отделения английского и русского языков, а также многих восточных языков, включая японский и корейский. Наш факультет славится среди других подобных факультетов углублённым изучением русской литературы. Возможно, поэтому профессор Сэвинч Учгуль решила пригласить меня, русского писателя, для преподавания профильной дисциплины. По приезду я начала вести «Турецкий дневник», куда записывала свои наблюдения и новые эмоции. Это была попытка фиксации жизни в новых обстоятельствах, писался он для себя. Некоторые события и размышления из него я выкладывала для друзей в социальной сети, и неожиданно он стал пользоваться популярностью. Александр Ливергант, главный редактор журнала «Иностранная литература», в котором летом выйдет моё эссе «Мои турецкие университеты», заметил, что в России ничего не знают о турецкой жизни. Тем более

о той, которая происходит вдали от столиц и курортов.

Я писала о самых разных будничных вещах. Вот, например, небольшая выдержка из дневника о том, как восприятие азана (призыв муэдзина, служителя мечети, на молитву) зависит от моего настроения:

«Вообще призывающие на молитву слабо интонируют его. И звучит он довольно монотонно. Если мне весело, хотя в последнюю пару месяцев отчаянного веселья я за собой не наблюдала, то и азан кажется оптимистической песенкой. Если я пребываю в каких-то средней тяжести раздумьях, то и в азане слышу горестные ноты. Ну, а если жизнь мне совсем не мила, то азан ещё больше усугубляет настроение. Не могу не откликнуться на важные для всех мусульман мира события, например, на Рамадан. Приходится иметь в виду, что окружающие держат пост. А это большое испытание. Меняется их режим жизни. Студенты просят не назначать занятия онлайн в ZOOM утром и днём. Так что обычно занимаемся в 4-6 часов вечера».

Как и все страны, Турция переживает сегодня не лучшее время из-за пандемии коронавируса. По выходным здесь объявляется комендантский час, когда нельзя выходить из дома даже за продуктами. Нашим домом считается университетский кампус и прилегающая к нему территория. Поэтому я почти каждый день просто катаюсь на велосипеде по пустынному университетскому городку. Изредка встречаю Юджина с кафедры английского языка. Он тоже часто ездит на велосипеде. Юджин из Лондона, ему за восемьдесят, но он живой и подвижный человек. Часто думаю расспросить его, как он оказался в Турции, но что-то мешает. Говорим больше о погоде, университете и любимых студентах.

Территория нашего университета утопает в зелени. Вместе с другими иностранными преподавателями я живу в Белимстеси – в научном городке, где занимаю часть первого этажа двухэтажного коттеджа с мансардой. С одной стороны со мной соседствует темнокожая семья из Судана с тремя маленькими детьми, с другой – кореянка. Большое панорамное окно выходит на большую лужайку. Ровно в восемь утра она орошается системой водных насосов и фонтанов.

Мне нравится моя работа. Рассказывать студентам то, чего они не могут найти в интернете, например, о жизни современных писателей в России. Пытаться понять вместе с ними мотивы преступления Раскольников из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Одна из студенток – Эда Гюнель – начала писать стихи, вдохновлённая моим литературным вечером, который руководство университета организовало через три месяца после моего приезда в Турцию. У неё уже появилась первая публикация в стамбульском журнале. Алев Атуг, заканчивающая университет, как и Эда, в нынешнем году, отличилась удивительно кропотливым отношением к занятиям. Она записывала на наших лекциях каждое незнакомое слово и просила меня перевести все его значения. С некоторыми студентами складываются почти доверительные отношения. Халименур Авшар, одна из лучших студенток, часто помогает на занятиях, когда мне не хватает знания турецкого языка, чтобы объяснить какой-либо классический русский текст. Она знает наизусть стихи Марины Цветаевой и Беллы Ахмадулиной.

Гордость прошлогоднего выпуска нашего факультета – Халил Уилмаз. Он остался учиться в магистратуре. Более ответственного и аккуратного студента я, наверное, не встречала. Он и Халименур перевели несколько моих стихотворений на турецкий язык. Мне посчастливилось близко познакомиться с одним из лучших переводчиков русской литературы на турецкий язык – Угуром Буке. Он перевёл всего Толстого, Чехова и многих других писателей. В его переводе в одном из стамбульских журналов была опубликована подборка моих стихотворений. Вместе с ним мы участвовали в одном из знаковых турецких фестивалей «Фемина Стамбул», в котором, как видно из названия, поднимаются проблемы феминизма и гендерного равенства.

Но главным занятием здесь, конечно, является преподавательская деятельность, которая приносит и удовлетворение, и радость. Общаясь со своими учениками, я и сама узнаю много нового. Турецкие студенты невероятно почтительны. Это объясняется исконным воспитанием и традициями. Учитель, тем более преподаватель университета, пользуется здесь непререкаемым авторитетом. Они называют меня «Лилия ходжам», – «Лилия мой учитель». При этом они, как и все студенты, в меру безалаберны, смешливы и хулиганисты.

Мало для кого из них русская литература станет главным делом в жизни. В лучшем случае, они будут работать переводчиками или менеджерами-консультантами в русско-турецких фирмах. Многие из наших выпускников служат в авиакомпании «Turkish airlines». Но, конечно, есть среди них студенты, влюблённые в русскую литературу, планирующие продолжить обучение в магистратурах и аспирантурах российских университетов.

Но как бы ни менялась история, память о русском присутствии в Турции останется навсегда. На православном кладбище Шишли в центре Стамбула лежат русские принцы, принцессы и графини, Каракёйская церковь в столице все так же каждое воскресенье наполняется потомками русских эмигрантов, а в турецких университетах пусть изредка, но слышна русская речь. Этот материал я хочу завершить самыми обычными словами, которые определяют суть моего личного здесь пребывания: жизнь в Турции наполнила меня новым смыслом. Я словно получила в дар ещё одну судьбу, в которой, может быть, будет меньше ошибок и больше ценности.

ТУРЕЦКИЙ ДНЕВНИК

**Жизнь в турецкой провинции
Исполнена отрадных смыслов.
Расстояние, если не облагораживает,
То отодвигает прошлое
На безопасное расстояние.**

**В наличии же потухший вулкан
И город с дивным прошлым,
Которое изучу непременно.
А ещё – много неба
И сказочной безвкусицы...**

**Порой настигает кручина.
Поплакаться, как всегда, некому.
Приучила себя и других
К своей – как её? – самодостаточности
И разительности своей
(Услышала однажды).**

**А маяка здесь нет.
И смотрителя маяка тоже нет.**

**На бульвар Ататюрка
Пришла весна.
На остановке трамвая
Стройная девушка
В чёрном никабе
Что-то шепчет в ухо,
Улыбаясь,
Наверное, улыбаясь,
Молодому бородатому человеку.**

**Солнце смотрит прямо в глаза
И не даёт рассмотреть номер трамвая.
Хотя в этом районе
Он только один – Т2,
Идущий из студенческого района Талас
До Джумхуриет мейданы.**

**Местные жители сосредоточены
На чём-то, неведомом мне.
Правда, одна женщина спросила,
Где поблизости Тюрктелеком,
И я впервые в этой стране
Показала кому-то дорогу.**

**Но прозрачный воздух,
Но тени от деревьев,
Но горы со снежными вершинами
Вокруг города
И всё остальное неизвестное
Рисуют сегодня для меня
Новую картину мира,
Может быть, даже –
Картину счастья.**

**Так долго смотрели на небо,
Что оно стало солнцем.
Охрипшие птицы
Больше не преодолевали
Земное притяжение.
Воздух застыл,
Как турецкий йогурт
После охлаждения.
Траектории падающих звёзд
Были причудливы,
Как уши любимого.
О, жизнь между сном и пробуждением!**

**Турецкие сумерки
Блаженную
Слабость духа
Несут,
Которую можно
Заесть пахлавой
Или иным лакомством.
А можно просто
Вглядываться ежевечерне
В Эрджиэс,
Потухший вулкан,
Пытаясь определить
Своё место на земле,
Но не отваживаясь
Смысл найти
В нынешнем.
И принять, наконец,
Эту беспримерную
Жизнь.**

*Я хотела бы жить с вами
В маленьком городе...
М. Ц.*

**Это была бы плохая идея –
Жить с вами
В маленьком городе.
Я бы предпочла
Видеться с вами нечасто,
Скорее, даже наоборот.
Мы целовались бы до одурения,
Почти без стеснения,
Без обещаний,
Без будущей тоски.
Мы гуляли бы по улицам,
Взявшись за руки.
Мы не могли бы насмотреться
Друг на друга,
Смеялись бы
И не строили
Планы на будущее.
А город смотрел бы на нас
С лукавством нежным
И строил бы собственные планы на нас.
А пока...
На чём мы остановились?**

Буду смотрительницей маяка,
Нет, лучше женой смотрителя маяка.
Буду вставать на рассвете
И готовить ему простую еду.
Буду смотреть, как он ест,
Молча и неторопливо.
Буду приходить к нему днём
С термосом горячего кофе.
Буду смотреть, как он пьёт его,
Вглядываясь в горизонт.
Буду замечать, как меняется цвет его глаз
В зависимости от его настроения
Или времени суток.
Буду мало знать про него
И не буду стремиться узнать больше.
Вечером буду засыпать в одиночестве,
Не дождавшись его.
Буду видеть сны о кораблях,
Уносящих меня прочь
От чертова маяка...
Буду вставать на рассвете.

Бабушка шепнула мне,
Что я княжна.
И род у нас княжеский.
Но я была комсомолкой.
И засмеялась только.
Давно нет бабушки
И нет комсомола.
А я стала княжной.
Княжна,
Непреклонно-невесомо
Я брожу среди людей.
Я в гостях всегда, как дома.
Дома прячусь от гостей.
Улыбаюсь лишь глазами.
Оттого и не поймут,
То ли весело с друзьями,
То ли мне печально тут.
Я не верю в стойкость пены.
Старомоден мой язык.
И к речам моим степенным
Так никто и не привык.
Диковата, нелюдима.
И надменна, и смешна.
Я – обломок пирамиды.
Я – татарская княжна.

Урок географии, или Попытка непростения

Кама старше Волги
На миллионы лет,
Страстней и неприрученной.
А мы купаемся в ней голышом
Под солнцем державинским.
И нету блаженнее нас.
Камы исток выше Волги истока,
В географии признак главенства.
Устроить Каму в джакузи
И перелиться через край,
И выдыхать периодически:
Не останавливайся!
Кама полноводнее Волги:
4300 кубических метров в секунду
Против 3100 в месте слияния.
...Ты сотворил беду.
Я не хочу хотеть прощать тебя.
Я пленных не беру.
Кама впадает в Каспийское море.

Осуждается татарский язык
За то, что посмел
Встать вровень с державным,
За то, что сумел сберечь себя,
За то, что «отца и матери язык»,
Эткэм-энкэмнен теле...
Одобрается татарский язык
В строго отведённых местах,
В строго отведённое время,
В строго регламентированных целях,
В строго отведенном объеме –
Кечкенэдэн анлашылган
Шатлыгым, кайгым минем.
Предлагается отказ от татарского языка,
Потому что не в тренде.
Потому что малое поглотится большим.
Потому что империя.
Потому что обречён.
Ярлыкагыл, дип,
үзем һәм эткэм-энкэмне, ходам!
И туган тел...